

**К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY**

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**II. СВЯЗИ, КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV–I ТЫС. ДО Н. Э.)**

**CONNECTIONS, CONTACTS AND INTERACTIONS BETWEEN ANCIENT
CULTURES OF NORTHERN EURASIA AND CIVILIZATIONS OF THE EAST
DURING THE PALAEOMETAL PERIOD (4TH–1ST MIL. BC)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома II: А. В. Поляков, Е. С. Ткач (отв. редакторы), М. Т. Кашуба,
Л. Б. Кирчо, Е. А. Черлёнок, В. Я. Стёганцева, А. И. Климушина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

*Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский
(Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН,
председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв
(Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова
(ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе
(сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин
(ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка
(Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН);
д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет);
к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров
(ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов
(Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ);
к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев
(Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

*Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель);
к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН);
А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН);
Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН);
В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН);
И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей
и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций
Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося
археолога В. С. Бочкарёва. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 287 с.**

ISBN 978-5-907053-35-9

DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

Сравнение с гончарством предшествующих культур позволяет наметить пути сложения гончарных традиций населения срубной культуры.

Таким образом, данные технологического анализа керамики представляют собой особый, новый источник информации, позволяющий обсуждать различные вопросы истории древнего населения.

Литература

- Бобринский А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Бобринский А. А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара. С. 5–109.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Китов Е. П., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А. 2009. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург.
- Салугина Н. П. 2015. Социально-культурная интерпретация технологии изготовления керамики позднего бронзового века Волго-Уралья (по материалам срубной культуры) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Междунар. симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М. С. 133–142.

POTTERY-MAKING OF THE SRUBNAYA CULTURE OF THE VOLGA-URAL REGION

Natal'ya P. Salugina

Samara State Institute of Culture, Samara, Russia

Keywords: pottery, ceramic production, traditions, initial plastic raw material, clay paste, construction of pottery.

This report presents the results of investigations of the technology of ceramic production of the Srubnaya (Timber-Grave) culture in the Volga-Ural region. The analysis was conducted according to the method proposed by Alexey A. Bobrinskiy enabling not only to distinguish the technological information but also to use it in consideration of the questions of the history of a particular population. The study was carried out following the structure of pottery production. Skills common and traditional for the population of the region under study have been identified.

In north-eastern districts of Samara Oblast and adjoining regions around Orenburg, a group of population is distinguishable of which the use of silt and silt clays in pottery is characteristic. This feature enables archaeologists to distinguish these sites as a specific eastern local variant of the Srubnaya culture.

Introduction of the wastes of bronze casting works into the paste of the pottery of the Srubnaya culture suggest both the existence of a specific group of manufacturers and sacral peculiarity of this admixture. Comparison with pottery-making of preceding cultures makes it possible to trace the ways of formation of ceramic traditions of the population of the Srubnaya culture.

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОСНОВО-МАЗИНСКОГО КЛАДА ИЗ ХВАЛЫНСКОГО МУЗЕЯ

Н. М. Малов

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-261-264

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Сосново-Мазинский клад, Саратовское Поволжье.

Среди кладов позднего бронзового века Восточной Европы выделяется уникальный Сосново-Мазинский клад. Он случайно обнаружен в 1901 г. при распашке поля в 3 км от сел. Сосновая Маза по дороге на сел. Елховку (Мерперт 1971; Малов 2008; 2013; 2014).

Предметы из клада собирал уездный исправник, затем представивший их в управление Саратовского губернатора. Отсюда вещи передали в Императорскую Археологическую комиссию, а потом — в Исторический музей. Известно, что в музей направили 78 предметов (ОИАК 1903: 140, 179). Основную часть клада составляли косари-секачи, было несколько кинжалов, кельтов, долото и слиточек меди. Почти все вещи не отделаны и не были в употреблении, в составе металла некоторых изделий содержалось железо (Спицын 1909). Клад содержал еще большее число предметов, поскольку вещей нашли больше, чем сдали исправнику. Спустя несколько лет пять изделий поступили в Саратовский областной музей, а три — в Хвалынский музей краеведения. К 1941 г. в музеях хранилось 86 предметов. Косарь-струг без отверстия из Саратовского музея нельзя включать в коллекцию, так как условия его обнаружения иные. Непосредственно к кладу можно относить 85 экспонатов (Малов 2008: 422). Особый интерес представляют три невведенных в научный оборот предмета из Хвалынского краеведческого музея, которые в 1906 г. были переданы М. А. Радищеву находчиком клада крестьянином Т. М. Токаревым. Это кинжал, косарь и обломок от косаря. Общий их вес около 830 г. Кинжал и косарь обработаны после отливки, что характерно для некоторых других вещей клада.

Кинжал (ХКМ № 3237; рис. 1, 1). Вес — 501–502 г. Лезвия прокованы и заточены. Общая длина — 34 см, длина рукоятки до перекрестия — 9,5 см, максимальная ширина клинка — 5,5 см. Диаметр грибовидного навершия — 3,5 см. Перекрестие серповидное, волотообразное с завитками. Рукоять прорезная, вдоль клинка проходит нервюра. Аналогичное оружие имеется в кладу (Спицын 1909: рис. 4, 12; Черных 1966: 68, рис. 59, 8, 10, 12). Фото кинжала опубликовано (Городцов 1914: 83, 106, рис. 51).

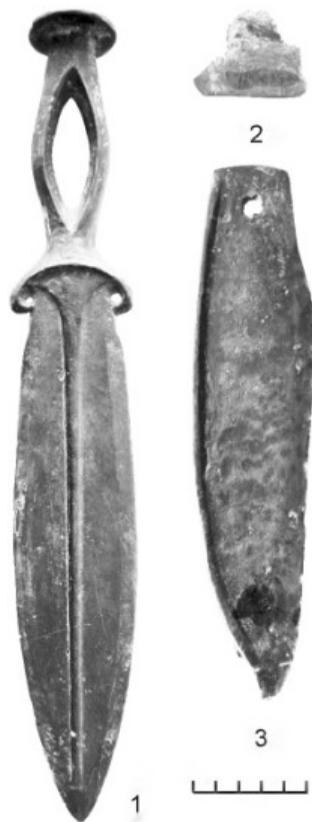

Рис. 1. Сосново-Мазинский клад, материалы из Хвалынского музея: 1 — кинжал; 2 — фрагмент косаря; 3 — косарь. 1–3 — медь

Косарь-секач (ХКМ № 3238; рис. 1, 3). Вес — 300–301 г. Сильно прокован по изогнутому лезвию и полотну. Около тупого конца овальное отверстие диаметром 7 мм. Острый конец шириной около 1 см раскован. Толщина дугообразного ребра жесткости — 0,9 см. В одном месте на нем есть вмятина длиной 5,5 см, образовавшаяся от ударов сверху или проковки. Общая длина секача — 22,8 см, максимальная ширина — 5,5 см, ширина тупой (хвостовой) части — 3,5 см. Лабораторией ИА РАН выполнен спектральный анализ косаря (№ 13397). Согласно информации сотрудников лаборатории, состав его металла следующий: Cu — основа, Fe — 1,8 %, Ni — 0,15 %. Других макропримесей не отмечено. Это так называемая железистая медь. Она характерна и для других изделий клада. Ее присутствие может свидетельствовать о переходе к выплавке меди из колчеданных руд (Черных 1966: 126–129).

Фрагмент косаря-секача (ХКМ № 3239; рис. 1, 2). Вес — 31–32 г. Он представляет собой обломок от острого конца секача. Длина — около 5 см, толщина — 0,5–1 см.

Косари-секачи типа Сосновой Мазы с отверстием в черенке выделяют в отдельную группу (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 8–49). Вероятнее всего, они являлись универсальным хозяйственным ударно-режущим инструментом скотоводов позднего бронзового века (Бочкарёв 2012: 209). Их могли использовать для заготовки и резки различных сенокосных кормов при стойловом содержании скотины зимой, а также для раскалывания древесины.

Сосново-Мазинский клад характеризует хвалынскую культуру позднего бронзового века, выделенную В. А. Городцовым (Городцов 1927: 622, рис. 100–104). Сейчас клад датируют около 1300–1200 гг. до н. э., используют при характеристике третьей фазы позднего бронзового века (ПБВ III), относя к ее IV периоду и стадии III.2 хвалынской культуры валяковой керамикой (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 12, рис. I–IV; Малов 2014: 84–86, 88–89).

Общий вес медных вещей составлял 1 пуд 8 фунтов (Спицын 1909), или около 20 кг. Сюда следует добавить вес находок из Хвалынского (830 г) и Саратовского (1,7 кг) музеев. При этом условно допускается, что два кинжала из Саратовского музея суммарно весили 1 кг. Следовательно, общий вес музейных вещей составит 22,5 кг. По этому показателю в бронзовом веке Восточной Европы Сосново-Мазинский клад является вторым после Бериславского (Добровольский 1948). В Бериславском кладе большую весовую часть составляют не готовые изделия, а обломки лепешкообразных слитков, отражающие его основную металлургическую ценность. По весу и составу комплекса изделий Сосново-Мазинский клад является крупнейшим и редчайшим археологическим источником бронзового века Восточной Европы.

Литература

Бочкарёв В. С. 2012. К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // РАЕ. № 2. С. 194–214.

Городцов В. А. 1914. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отдельный оттиск из Отчета Исторического музея за 1914 год. М. С. 1–106.

Городцов В. А. 1927. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. Т. 7. М. С. 610–626.

Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С. 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинёв.

Добровольский А. 1948. Бериславський скарб бронзової доби // Археологія. Т. 2. С. 152–163.

Малов Н. М. 2008. Сосново-Мазинский клад: история обнаружения и комплектования коллекции // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. 1. М. С. 420–422.

Малов Н. М. 2013. Изучение памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья: 1900–1917 годы // Известия СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 13, вып. 1. Саратов. С. 89–92.

Малов Н. М. 2014. Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы культурогенеза // Мунчаев Р. М. (отв. ред.). Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: Сб. к 90-летию со дня рождения и памяти Н. Я. Мерперта. М. С. 84–92.

Мерперт Н. Я. 1971. Сосново-Мазинский клад // Советская историческая энциклопедия. Т. 13. С. 354.

ОИАК. 1903. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1901 год. СПб.

Спицын А. А. 1909. Некоторые находки медного века // Известия ИАК. № 29. С. 65–67.

Черных Е. Н. 1966. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы // КСИА. Вып. 108. С. 123–131.

MATERIALS FOR STUDIES ON THE SOSNOVAYA-MAZA HOARD FROM THE KHALYNSK MUSEUM

Nikolay M. Malov

Saratov State University, Saratov, Russia

Keywords: Sosnovaya-Maza hoard, Late Bronze Age, Volga Saratov region.

This paper discusses the unique hoard of the Late Bronze age found in 1901 near the village of Sosnovaya Maza in Khvalynsk uyezd. Here, the first scientific publication of three objects from

the Khvalynsk Museum of Local History is proposed. These artifacts were presented in 1906 by the finder of the hoard and include a dagger, a chopper and a fragment of a chopper with the total weight of about 830 g. The dagger and the chopper were worked after casting. The composition of the metal of the chopper according to spectral analysis is: Cu — the base, Fe — 1.8 %, Ni — 0.15 %. The choppers may have been used for harvesting and chopping of various hay fodder during winter stalled keeping of the livestock, as well as for cleaving wood. The author attributes 85 museum pieces as belonging directly to the hoard. The weight of the total assemblage of museum pieces from the hoard may have been about 22.5 kg. Basing on the Sosnovaya-Maza hoard, Vasiliy A. Gorodtsov distinguished the Khvalynsk archaeological culture. Now it is considered as the Khvalynsk culture of Valikovaya (Relief-band) pottery. In terms of its composition and the weight of the total assemblage, the Sosnovaya-Maza hoard is the largest and rarest one in Eastern Europe of the Bronze Age.

СТЕПНОЕ ПОВОЛЖЬЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ: МЕТАЛЛ, ЖИВОТНЫЕ И ИЗОТОПЫ¹

Н. И. Шишлина*, Н. В. Рослякова**, Ю. И. Колев***, О. П. Бачура****

* Государственный исторический музей, Москва, Россия; ** Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия; *** Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, Самара, Россия; **** Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-264-266

Ключевые слова: эпоха бронзы Среднего Поволжья, поселение металлургов, животные, изотопный анализ.

Археологический комплекс срубной культуры бронзового века Михайло-Овсянка расположен на юге степного Самарского Заволжья. Среди других поволжских поселенческих памятников этот комплекс выделяется геоморфологическим положением и уникальной археозоологической коллекцией. Он располагается на северо-восточном отроге Общего Сырта — плоского, местами волнистого плато, сильно расчлененного по краям и по склонам. Степные ландшафты специфичны. Несмотря на летний зной (июльская температура достигает 40–43° С), во всех понижениях, которые защищены от ветра, существуют благоприятные условия увлажнения. На водоразделах развиты ковыльно-типчаковые, ковыльно-разнотравные и типчаково-разнотравные степи.

Население производственного поселка разведывало, добывало и частично перерабатывало руду. Здесь были открыты многочисленные шахты и штольни, печи для выплавки руды. Проведенный анализ археозоологической коллекции и пилотные изотопные данные позволили детализировать характер производственного цикла, в который могли быть вовлечены как местные рудокопы, так и жители расположенных на значительном расстоянии поселений.

Остеологическая коллекция памятника насчитывает свыше 12 000 костей. Подавляющая их часть является кухонными остатками. Практически все они принадлежат домашним копытным. Наиболее многочисленными среди них являются кости крупного рогатого скота (*Bos taurus*), которые составляют свыше 70 % всех костных остатков. Мелкий рогатый скот, среди которого определены кости овец (*Ovis aries*) и коз (*Capra hircus*), составляет около 25 %. Доля костей лошади (*Equus caballus*) не превышает 3 %, свиньи (*Sus scrofa domestica*) — 1 %. В коллекции также имеются единичные кости собак (*Canis familiaris*).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект ОФИ-м № 17-18-01399 и в рамках Госзадания, проект № 33.1907.2017/ПЧ.